

СВОБОДА И ПРИМИРЕНИЕ

Свою свободу в этом мире вы можете защитить, лишь защищая свободу другого человека. Вы можете быть свободным, только если свободен я.

Кларенс Дарроу

Учитывая, что и роль, и значение, и влияние, и возможности журналистики зависят конкретно не только от свободы печати, но и вообще от демократических свобод, хотелось бы вспомнить, как к этим вопросам относится само человечество в лице тех, кого принято называть «великими умами», кто считал, что свобода ничего не стоит, если она не включает в себя свободу ошибаться.

Как-то в Доме Союза писателей Армении состоялась встреча, на которой присутствовал Вахтанг Кикабидзе. Я был ведущим на этой встрече и, пригласив знаменитого киноартиста и певца на сцену, сказал: «Вахтанг, ты моложе меня. И пока я жив, я буду всегда богаче тебя, ибо мои года — мое богатство». Конечно, очень даже мило звучит эта поэтическая строка. И на слух хорошо воспринимается. И не только на слух, но и по сути своей. Ибо речь, по логике вещей, идет о накопленном жизненном опыте, который измеряется количеством лет. Опустим этакую самооценку крепко запомнившейся строчки, которую, как известно, не выкинешь из песни, и воспримем ее всего лишь как повод для разговора об арифметике прожитых лет и о... свободе. Речь идет в первую голову о моем поведении, точнее, о моих сверстниках, которые на своей шкуре прочувствовали, особенно в годы сталинского лихолетья, что свобода несовместима с бессилием. Ибо, по закону порочного круга, отсутствие свободы приводило к бессилию, а бессилие делало невозможным борьбу за свободу. И надо честно признаться, что такое чудовищное состояние продолжалось до 1956 года, до XX съезда КПСС, когда после знаменитого доклада Никиты Хрущева мы поняли главное: наши отцы, несмотря ни на что, несмотря на сибирские лагеря, все-таки были людьми свободными, ибо, согласно формуле Жана Жака Руссо, «кто хочет быть свободным, тот действительно уже свободен».

После XX съезда самым осязаемым аргументом «оттепели» было то, что появились, пусть хотя бы робко и вполголоса, публикации, от которых веяло свежестью, олицетворяющей свободу. Одним только хрущевским докладом (кстати, секретным), с текстом которого на партийных и комсомольских собраниях ознакомили лишь часть советского народа, невозможно было создать действенное общественное мнение, которое должно было не только менять совокупный менталитет всего общества, но и разбивать вдребезги гнетущие всех нас догмы. Произошла всамделишная революция, уникальность которой заключалась в том, что ее организовали и реализовали, как говорится, сверху. По сути, это было историческое покаяние партии, которая, между прочим, сама стала жертвой сталинщины. Не раз в своих статьях я отмечал, что все те, кому в пятидесятых исполнялось двадцать-тридцать лет, считали себя «детьми XX съезда». Мы видели своими глазами, как меняется народ, меняются лица людей, как появляется блеск в глазах у старшего поколения. И все это благодаря тому, что изменилось лицо самой печати, литературы, искусства, культуры.

Это было время рождения газетных и журнальных публикаций, фильмов, стихов, которые становились праздниками не только для души и сердца, но и для ума. В пятьдесят шестом году появилась повесть Ильи Эренбурга «Оттепель», название которой и стало определением эпохи. В том же году, я помню, мы, моряки Балтийского флота, делились друг с другом впечатлениями о рассказе Михаила Шолохова «Судьба человека», опубликованном в «Правде», потом о фильме Григория Чухрая «Сорок первый», о поэме Евгения Евтушенко «Шоссе энтузиастов». А ведь были потом «Чистое небо» того же Чухрая, «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына, «Живые и мертвые» Константина Симонова и многие другие праздники, которые были рождены свободой, тем не менее нуждающейся в дисциплине и крепкой руке.

Однако вскоре, точнее, с октября 1964 года, когда в результате заговора свергли Хрущева, когда вместо дисциплины появился режим, а вместо крепкой руки — попытки реставрировать сталинщину, в первую очередь пострадала сама Свобода. В условиях тоталитаризма абсолютно ничего не стоит задушить костлявыми руками свободу вообще и особенно свободу слова. Достаточно дать волю Главлиту (госцензуре) — и тогда в одночасье во всей огромной стране никто не посмеет напечатать или произнести, скажем, имя Хрущева. В таких случаях само

забвение объявляется для всех и каждого в приказном порядке. И все же многое изменилось в огромной стране после XX съезда. По крайней мере, ни Главлит, ни КГБ уже не могли пробираться на кухню советского гражданина. С 1958 года я активно сотрудничал в «Советском спорте», «Комсомольской правде», «Известиях», «Медицинской газете», «Неделе», «Литературной газете», и каждый приезд мой с Камчатки в Москву означал, прежде всего, обязательные визиты как в многочисленные редакции, так и домой к многочисленным друзьям. И я не мог не видеть, что «кухонная» и «кабинетная» свобода была не только на далеком полуострове, но и в столице. Журналисты и писатели стали свободными. Была даже корпоративная договоренность: писать, как я не раз уже отмечал, по совести, бороться с самим Главлитом, даже не рассчитывая на победу. Уже в те годы я осознавал, что будущее страны во многом зависит от журналистов, ухитряющихся из океана информации вычерпнуть хотя бы ложку правды, без которой не бывает свободы.

Каждый новый советский вождь на свой лад трактовал понятие «свобода» в пропагандистской литературе. Не было исключения и при Брежневе — Суллове: «В результате социалистической революции, ликвидации антагонистических отношений между людьми, утверждения принципов социализма деятельность людей все больше становится подлинно свободной, сознательным историческим творчеством (! — З.Б.), возникают реальные возможности для свободного и всестороннего развития каждого члена общества». В то же время на фоне такой несутветной демагогии и невероятного самообмана писатели получили возможность хотя бы в художественной литературе и хотя бы, как говорится, устами своих героев озвучить слова, скажем, философа Семена Франка: «Свобода есть не отрицательное, а положительное понятие. Свобода, отрицающая власть, иерархию, авторитет, служение, ведет через анархию к деспотизму, то есть к самоотрицанию».

Пожалуй, самое впечатляющее время выпало на долю «шестидесятников», которые реально осознали, что, с одной стороны, вроде, истинная свобода — это та, которая требует повиновения законам, а не людям, с другой, — издревле известно, что нет худшего произвола, чем избирательное применение права. На подобные темы писали журналисты-«шестидесятники». Многие придерживались принципа Генрика Ибсена: «Едиственное, что я ценю в свободе, — это борьбу за нее. Обладание же ею меня не интересует». При этом все дружно принимали и

формулу Альбера Камю, который считал, что свобода — это, в первую очередь, «не привилегии, а обязанности». И учитывая, что подобного рода «просветительские азы» (Евгений Богат) до широких масс прежде всего доносили журналисты, публицисты, литераторы вообще, именно они первыми брали на себя «обязанности» свободного человека. Ибо после ужасов сталинщины, после культа «человека с ружьем» на авансцену вышел «человек с пером».

Уже в 60-х — 70-х годах общество, избавившееся от страха, рассказывающее анекдоты о хозяевах Кремля, по-настоящему осознало всю значимость и серьезность роли журналистов. Это они в пятидесятых и шестидесятых активно разрабатывали и развивали тему СВОБОДЫ, а в семидесятых и восьмидесятых — тему ПРАВ ЧЕЛОВЕКА. Хочу привести пример, ярко иллюстрирующий и оценивающий меру совокупного подвига журналистов планеты. Второй спикер палаты лордов Великобритании леди Керолайн Кокс, впервые посетив Арцах в мае 1991 года, разобравшись в ситуации, написала в своем рапорте, адресованном Сахаровскому конгрессу: «...Этот крохотный край находится не только в экономической и политической блокаде, но и в блокаде информационной. Здесь нужны журналисты из международных средств массовой информации. Мы хорошо знаем, что Соединенные Штаты Америки проиграли войну во Вьетнаме, а СССР проиграл войну в Афганистане не столько на поле боя, сколько на телевизионном экране и газетной полосе»... Еще раз напомним читателям, что сама леди Кокс более пятидесяти раз посещала мятежный Карабах (чаще всего в годы войны), и каждый раз в ее группы, кроме политических и государственных деятелей, врачей и благотворителей, входили в обязательном порядке тележурналисты и газетчики из крупнейших зарубежных средств массовой информации.

Младотурецкие головорезы, планируя беспрецедентный геноцид против целого народа, предприняли строжайшие меры, исключающие возможность информировать мир о своих чудовищных злодеяниях. Уже к началу пятнадцатого года под разными предлогами были выдворены из Турции практически все аккредитованные там журналисты. Нетрудно предположить, что, если бы тогда на территории Западной Армении, как в наши дни, активно выполняли свой профессиональный долг журналисты, то, несомненно, были бы спасены более миллиона армян. Сегодня мы всем миром следим за тем, как целая армия журналистов своими камерами, микрофонами, перьями

спасает бесчисленное количество жизней в Ираке. Смертельно боясь вездесущих мужественных телевизионщиков и газетчиков, создающих общественное мнение на планетарном уровне, военное командование антииракской коалиции стремится к тому, чтобы в ходе боевых действий как можно меньше погибло мирных жителей.

Удивительную мысль высказал однажды Уильям Сароян, который считал, что профессиональные журналисты не только в силу своей информированности, но и умения аналитически подавать материал могут быть незаменимыми и эффективными советниками королей, премьеров, президентов. Писатель отмечал, что многие американские президенты даже дружили с журналистами. Привел пример, когда президент Франклин Делано Рузвельт, презрев гордыню, публично цитировал не философов, а журналистов и даже земледельцев. Сароян же часто ссылался на самого Рузвельта, который именно в беседе с журналистами озвучил свою знаменитую формулу о четырех основных свободах, на которых в будущем должен держаться мир: на первом месте — свобода слова повсюду и во всем мире; на втором — свобода каждого человека поклоняться своему Богу; на третьем — свобода от нужды и лишений. И, наконец, на четвертом месте — свобода от страха.

На рубеже 40-х и 50-х годов, в разгар начавшейся уже «холодной войны» многие журналисты планеты писали о настоятельной необходимости примирения между Западом и Востоком. И к этой спасительной акции, к этой борьбе за мир они привлекли Эйнштейна, Жолио-Кюри, Пикассо и многих других гениев. Именно тогда Альберт Эйнштейн заявил на весь мир, что невозможно думать «о мире без примирения». Что мир и покой нужно начинать удерживать примирением. Ибо «мира можно достичь не силой, а пониманием». Мудрые эти мысли мудрого человека великое множество раз озвучивали и тиражировали журналисты, имея в виду и расколы, и распри внутри отдельных стран. Думаю, сегодня к ним должны прислушаться и у нас. От земледельца до президента.